

ТАЛАНТ ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЯ

К 100-летию со дня рождения А. Н. Толстого

Родился он на берегах Волги, в самом центре России. И первую книгу прозы назвал потом «Заволжье...» А уже в самом конце жизни, пусть не в родной Самаре, а в другом волжском городе, писал: «С обрыва видно широкое Заволжье — заливные луга, где длинные предвечерние тени легли от бесчисленных стогов. За синеватой грядой горизонта, куда весной уходит разлив Волги, — край дремучих лесов по Ветлуге и Керженцу, — огромный простор, озаренный мягким светом. Человек впитывает здесь в душу свою эту ширь, эту силу земли, эту необъятность, и прелесть, и волю. Здесь ум бродит по видениям шумного и богатого прошлого и мечтает о безграничных возможностях будущего».

Одно из главнейших впечатлений, которые прочно закрепляются в сознании при чтении книг замечательного русского писателя, это ощущение не только пространственной, но и духовной широты созданного им художественного мира.

Талант А. Толстого столь универсален, что, казалось, ему было подвластно все: прозрачность лирических переживаний девушки в каком-нибудь глухом поместье («Хромой барин») и взрывы страстей, овладевших людьми в обстановке невиданного классового противоборства («Хождение по мукам»), жестокая решительность государя, преодолевающего инерцию вековых привычек («Петр Первый») и беспощадный анализ духовной сути человека, предавшего родину и вступающего на грань саморазрушения личности («Рукопись, найденная под кроватью»)...

Последовательный реалист, он отлично осознавал, что реализм XX столетия не может строиться лишь на подражании классическим образцам. Он чутко присматривался к новейшим течениям и критически использовал их опыт, развивал мысли об усиливающемся влиянии различных видов искусства друг на друга.

А. Толстой всегда (исключая, конечно, самые ранние стихи в духе символизма) выступал перед читателем как художник ярчайшей национальной самобытности. «...Талант Ваш... большой, настоящий русский и — по-русски — умный», — писал ему Горький.

И действительно, по всему: характеру, темпераменту, складу привычек А. Толстой — это воистину «русский характер» (как назвал он один из лучших своих рассказов периода Великой Отечественной). Это находило полное отражение в его книгах. При всем этом не следует забывать, что национальное в творческом сознании А. Толстого не было каким-то врожденно-неизменным свойством. Оно обогатилось новыми качествами, и национальный патриотизм писателя после Октябрьской революции перерастает в патриотизм советский. И именно потому, что А. Толстой был художником подлинно русским, он выступал как последовательный, убежденный интернационалист, пропагандист достижений многонациональной советской культуры.

Основу веры А. Толстого в неодолимую силу жизни составляли и атмосфера высокой интеллигентности в семье в детстве; и общение с простым народом, жителями Сосновки, прививавшее вкус к меткой русской речи; и богатства отечественной классики (Пушкин, Гоголь, Тургенев, Лев Толстой)... Но подлинную прочность и основательность отвлеченная поначалу вера А. Толстого в жизнь обрела после крутого мировоззренческого перелома, происшедшего под влиянием Великого Октября.

На долгу А. Толстого выпали трудные испытания, и тем не менее вполне искренним было его признание: «Я безо всякой для себя выгоды люблю, — жаль, нет другого, более мощного слова, — русскую революцию».

Величие Октября, историческую закономерность победы пролетариата, руководимого партией Ленина, отразил он в эпопее «Хождение по мукам», потребовавшей двух десятилетий подвижнического труда. На примере судеб сестер Кати и Даши, Рощина и Телегина в ней показаны основные этапы движения интеллигенции к народу. Таким, как Вадим Рощин, пришлось пробивать толщу наиболее сильных господских предрассудков, прежде чем они смогли понять: свою мечту о Большом Человеке нельзя осуществить без признания права на это за любым человеком из народа.

Образ народа, «мысль народная» обретают все большее значение по мере развития сюжета и сообщают трилогии мощь эпического наполнения.

Герой одного из дореволюционных рассказов А. Толстого говорит возлюбленной: «Ты и я... Я никак не могу этих других почувствовать... Ты и я, больше ничего нет...»

В годы революции в А. Толстом рождается властная потребность понять, как соотносятся друг с другом маленькое «я» каждого человека и все остальные «я», образующие в совокупности общество. Каковы лучшие формы соотношения отдельного и общего,

мере художественного развития трилогии мысли о требованиях, которые предъявляет революция личности, раздаются в повествовании все настойчивее.

Что происходит с теми, кто не нашел в себе сил подняться до уровня этих требований, А. Толстой показал в повестях «Голубые города» и «Гадюка». Вульгаризаторская критика 20-х годов усмотрела в них чуть ли не выступление против коммунизма. Еще бы, героические участники недавних боев вступают в конфликт с обществом в мирные дни! Но образами Буженинова и Зотовой А. Толстой предостерегал против укоренившегося желания одним ударом пашки разрубить все запутанные узлы бытия, утверждал необходимость приобщения к кропотливой, будничной, не выигрышной и не героической на первый взгляд работе по строительству нового.

Исторический роман «Петр Первый», внешне столь непохожий на трилогию, внутренне глубоко родствен ей. Корни двух этих главных книг А. Толстого столь глубоко проникают в творческую почву художника, что отделить их друг от друга невозможно.

Оба замысла родились в эпоху революции, а потом работа над их осуществлением продолжалась параллельно на

сознании миллионов он стал созвучен поре стремительных преобразований, происходивших в годы пятилеток.

Путь А. Толстого к вершинам творческих достижений отнюдь не прост. Были здесь и ошибки, и противоречия, и мучительные раздумья в связи с необходимостью сделать решающий выбор.

Нет резона замалчивать тот факт, что писатель несколько лет прожил на жужбине. В конце концов «Детство Никиты» и «Аэлита», «Рукопись, найденная под кроватью» и начало трилогии написаны там. Да, в тех головоломно трудных жизненных обстоятельствах писатель не сразу смог разобраться в сущности происходящих событий. Гораздо важнее другое: глубоко закономерен его демонстративный разрыв с эмиграцией уже весной 1922 года! В «Открытом письме Н. В. Чайковскому» (одному из лидеров белой эмиграции) с огибом внутренней убежденностью выражено бескомпромиссное решение честного русского художника помогать Родине, обновленной революцией. Трудно сейчас представить, какой дикой, воистину разнузданной травле был подвергнут писатель на страницах черносотенно-белогвардейских газет! Но мужественный шаг А. Толстого приветствовала газета «Известия», сравнивая «Письмо Н. В. Чайковскому» с письмом Белинского к Гоголю. Статья об этом носила знаменательный заголовок: «Раскол эмиграции».

Еще продолжая жить в Берлине (в Советскую Россию А. Толстой окончательно вернулся 1 августа 1923 года), писатель вступил в прямые контакты с теми, кто руководил на родине строительством социалистической культуры, например, с А. Воронским. Редактор первого «толстого» литературно-художественного журнала «Красная новь» помогал А. Толстому, редактировавшему в Берлине литературное приложение к одной из газет. На страницах приложения увидели свет произведения М. Горького, К. Федина, Вс. Иванова, С. Есенина, В. Катаева, В. Лидина, М. Зощенко, М. Булгакова, И. Соколова-Микитова, А. Невзорова, Н. Асеева и других советских писателей. Западный, и в первую очередь эмигрантский, читатель воочию мог убедиться в том, что литература в России при большевиках не только не вымерла, но, наоборот, набирает силы, приходят новые и новые молодые таланты, рисующие достоверные, захватывающе интересные картины новой жизни.

Опыт А. Толстого убеждает, сколь неизбежным было преодоление честными писателями распространенной в ту пору формулы «искусство — вне политики». Все более явные и многообразные формы связи искусства с политикой становились характерной чертой развития художественного сознания XX столетия. Это подтверждает и весь последующий творческий опыт А. Толстого и его общественная деятельность.

В 30-е годы как крупный общественный деятель А. Толстой представлял Советскую страну за рубежом, был избран депутатом Верховного Совета СССР, академиком. И, кстати, именно в эту пору наиболее активно работает как публицист. В годы битвы с фашизмом, в которой решались судьбы человечества, голос писателя-патриота звучал на весь мир.

Все силы отдавая борьбе с фашизмом, А. Толстой отчетливо сознавал: СССР становится державой, способной воплотить в жизнь вековые идеалы трудового человечества. Свой весомый вклад в осуществление этой высокой исторической миссии вносил и он, замечательный писатель, которого дала миру земля русская.

В. БАРАНОВ.
Профессор Горьковского университета.

личного и общественного, самодетельной инициативы и централизации...

В своем творчестве А. Толстой последовательно и убежденно развивал претензии сильной личности на неограниченную власть, подавляющую «других». И хотя в «Аэлите» действие происходит на Марсе, современники сразу почувствовали земной характер разворачивающихся событий, а в олигархии Тускуба усмотрели проекцию на зарождающийся в Германии фашизм. А разве не о закономерности краха диктатора «Гиперболоид инженера Гарина»? Разве не о том же «Хождение Невзорова, или Ибикус», где полное ничтожество мещанин Семен Невзоров, обнаруживая удивительное искусство «приспособления» к обстоятельствам, вплоть до продажи национального первородства, претендует на звание императора Ибикуса I и мировое господство?

С не меньшей убедительностью А. Толстой развенчал и культ дикого анархического своеволия, который наиболее активно давал знать о себе в исторически переломные моменты развития общества (достаточно вспомнить образы Махно или Сорокина в «Хождении по мукам»).

В огне гражданской войны в России рождалась та государственность, которая впервые в мире открывала доступ к историческому творчеству широчайшим народным массам, которая распахивала перед каждым огромные возможности духовного развития. Но одновременно революция предъявляла к людям справедливые и высокие требования, напоминала о необходимости дополнять реализацию прав сознательным исполнением обязанностей. Перечитывая «Хмурое утро», мы убеждаемся, что по

протяжении более чем двух десятилетий. Исторический роман помог летописцу гражданской войны в осознании закономерностей общественного развития; повествователь о современности вносил актуальность в рассказ о прошлом.

Достоин продолжая славные традиции прошлого, прежде всего пушкинские, А. Толстой пошел гораздо дальше своих современников, потому что показал глубочайшую внутреннюю потребность для страны петровских преобразований. В лице великого государя Россия обрела исторического деятеля, обнаружившего способность к смелой национальной самокритике, чуткому использованию опыта тех держав, которые ушли вперед в своем развитии. Петр беспощадно ломал консервативные устои, преодолевал сопротивление боярства — этой ярко выраженной разновидности социального иждивенчества. Он смело выдвигал вперед людей с ясной головой и умелыми руками. В насаждении европейского «политеса» не обходилось без крайностей, без слепого подражания — и это тоже находит отражение в книге.

Всю ткань повествования, вплоть до тончайших стилизованных приемов, пронизывает идея народности. Удивительно мастерство, с которым писатель языковыми средствами именно с народной точки зрения воссоздает образ времени. Блестящий успех А. Толстого признавали все: восторженно отзывались о романе и такие мастера, как Горький и Ромен Роллан, и художники, отношения с которыми имели совсем иной характер (Бунин). Но, наверное, особенно важно, что роман сразу обрел огромную читательскую аудиторию, в